

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

Жертвы несвободы

Только не говорите мне, что жизнь стала хуже.
 Может быть, жить стало хуже?
 Может быть, лечиться стало хуже?..
 Может быть.
 Может быть, привычки стали хуже?
 Может быть.
 Может быть, учиться стали хуже?
 Может быть.
 Может быть, искусство стало хуже?
 Может быть.
 Может быть, люди стали хуже?
 Может быть.
 Но сама жизнь стала лучше.
 Ибо мы, наконец, во многом или, точнее, кое в чем, наконец, свободны.
 Это оказалось нелегко.
 Это оказалось тяжелым испытанием.
 Нас готовили к вечной несвободе.
 Революция, говорили нам, связана с лишениями, с жертвами.
 Это была правда.
 Боритесь, воюйте, отдайте много жизней.
 Она стоит этого.
 И будете, наконец, несвободны.
 Это правда...
 Она требовала жизней бесконечно.
 Пять, десять, двадцать миллионов, голод, энтузиазм, все-народный почет, всенародные праздники.
 Что только на себе ни пробовали, чтоб побыстрее поработиться.
 Женились молча, а предавали под аплодисменты.
 Выдвигали из себя самых наглых, самых темных, самых лживых, чтоб они водили. Ты первый — тебе водить...
 Легли под фундамент.
 И возвели пугающее, стреляющее, вызывающее голод и ночной страх.
 Возвели заборы, решетки.
 Ни одной стиральной машины.
 Женщины мыли, стирали и били об воду, долбили, строили, варили, пекли хлеб.
 Они были мирные.
 Все остальные — военные.
 Ползут, окапываются, передвигаются бросками, маневрируют, вылетают на полигон.
 Учебный запуск, испытание устройства, закрытый объект, номерное предприятие.
 Солдаты нянчат детей, убирают постели, топят бани, сервируют банкеты. Войны же нет.
 Хотя все готово.
 А когда все готово, очень трудно и невозможно не попробовать.
 — Товарищ начальник, у нас такие виды вооружений и для массового, и для индивидуального применения. Как-нибудь... Ребята томятся...
 Что-нибудь придумаем?..
 Может быть, где-нибудь...
 Ну, в общем...
 — Ясно! Вы свободны.
 Слова "вы свободны" только в значении "пошел вон".
 Поработались так успешно, что даже расцвело искусство, посвященное порабощению.
 Прекрасная возможность соревноваться, когда все пишут об одном.
 Появились гении метафор, мастера бумажной жизни, производственной поэзии, подлинные шедевры эзопова языка.
 Военная четкость гражданского транспорта.
 Солдатская всенародная диспансеризация.
 Диагнозы без лекарств.
 Жизнь без старости.
 Полная ненужность денег при получении формы и квартиры снизили порог счастья до корней волос.
 Железная дорога в форме.
 Прокуратура в форме.
 Таможня в форме.
 Школьники в форме.
 Компартия в макинтошах.
 — Что вам нужно для счастья?
 — Квартира, квартира.
 — А вы разве не разведетесь?
 — Разведусь, разведусь.
 — А вы женитесь?
 — Женюсь, женюсь.
 — Обещаете партбюро?
 — Обещаю.
 — Будет квартира.
 И была квартира, хотя без звукоизоляции.
 Чоб были слышны мысли соседа.
 Нужно было идти на дальнейшие жертвы ради порабощения.
 Сделавшие карьеру достигли верха и пошли вширь.
 Но только... Но только оказалось, что за свободу бьются отчаяннее, чем за порабощение.
 За порабощение воюют армии.
 За свободу бьется каждый, а не один за всех.
 И то, что придумано в защиту, придумано лучше, чем в падении.
 Ибо опять думает каждый.
 И певцы и поэты уже не могли выгнать солдат.
 Под гимнастерками сидели рабы, возвращавшиеся на ночь в рабство к секретарям.
 А там, за границей, оказались лучше и одежда, и техника, и люди сытей, веселей, вежливей.
 Победители вернулись пораженными.
 Все войны меняли Россию. И последняя война.
 Но настолько все боялись одного, что ждали, пока он умрет.
 Потом все двести миллионов ждали, пока другой умрет.
 Его сменил третий. Ждали, пока он умрет.
 И он не подвел.
 Уже было ясно, что так жить нельзя.
 Но умереть должен был он.
 Ибо и жить нельзя, и нарушать нельзя.

Двое умерли друг за другом.
 И это была главная удача.
 Четвертый понял и что-то задумал.
 Но не в нем было везение.
 Главное везение было в болезни тех двух, досрочно освободивших страну.
 Четвертый уже без усилий развалил то, что осталось.
 Именно он стечением обстоятельств вошел в историю, как каждый, с кого начинается счет.
 Смерть дала свободу.
 И та, выйдя из-за туч, озарила людей, сжатых в границах, и народы, прижавшиеся в страхе перед дальнейшей жизнью.
 И впервые без потрясений и жертв, без гибели и крови, просто так остались люди.
 — Где они? — спрашивали друг у друга люди.
 Где те, кого боялись? Они ушли?..
 Не ушли... Исчезли.
 — Так как же теперь?
 — Никак.
 — Но что-то надо делать?
 — Делайте, — ответили в облаках.
 — Что?
 — Что хотите.
 — А что мы хотим?
 — Узнайте.
 — Как?
 — У себя.
 — А тут дерутся, грабят...
 — Придумайте что-нибудь.
 — А вот тот обманывает...
 — А вы не верьте.
 — Как не верить?
 — Но он же обманывает.
 — И смысла в этой жизни нет.
 — Да, смысла, в смысле идеи, теперь нет. Теперь твой сын должен обхватить свою голову руками и понять, для чего он живет. И теперь твой сын должен поднять себя и отца. Если он простит отца, родившего его в порабощении. Зато каждый его шаг станет захватывающе интересным. Раньше это было оружием. Сейчас все! Оценка другая.
 — Какая?
 — Деньги.
 — Ужасно звучит.
 — Да. Ужасно. А как вы в последнее время стали дарить деньги именинникам?
 — Это ужасно!
 — Ужасно. Зато он сам купит, что ему нужно.
 — Все ужасно. А что сейчас пишут, что смотрят, о чем говорят? Да. Остались сами по себе. Высота, достигнутая в борьбе, не нужна, в подготовке войны не нужна. Солдат столько не нужно. Даже хлеба столько не нужно. Он уходил на армию, на заключенных, он уходил на лагеря пионерские и тюремные. Крупы для каши солдатской столько не нужно. Сапог столько не нужно, ватников.
 — А что теперь нужно?
 — Деньги.
 — Но это же ужасно!
 — Да. Но очень удобно. Самый удобный предмет для хранения, вложения, накопления. Вместо коробок, шуб, закруток, обуви и проводов, на все случаи жизни деньги. Да! Которые можно надеть и съесть.
 — Что же в этом хорошего?
 — Хорошего мало, но и лучшего нет.
 — Плохие люди пошли вверх. Они первые.
 — Нет. Они не первые. Они раньше! Раньше! Как и в революции, как и в грабеже. Где ты видел, чтоб они стояли в очереди? Они раньше, потому что мы их всегда пропускали.
 Мы не связывались. Их сила в отвратительности. С ними не хочется связываться. Идите вперед. Только не стойте рядом. И они идут. И они впереди.
 Но ничьи позиции, кроме своих, они не займут.
 Они впереди только там, где они нужны. Где можно обойтись без чести и обманывать.
 Но они уже не могут обойтись ложью.
 Им самим уже нужна экономика, нужны компьютеры, дома, Интернет, лекарства, нужны больницы и самолеты, а это уже область наша.
 Здесь будем богатеть мы, потому что это не просто свобода — это сама жизнь пришла к нам.
 Столики расставляет жизнь.
 Кто сообразит, чего не хватает, тот разбогатеет.
 Да! Плохой певец преуспевает. Значит, певцов не хватает. Порнография. Да, это было запрещено, и этого не хватает. Вначале то, чего не хватает.
 Потом то, чего недостает.
 Потом разбогатеют те, кто приносит удовольствие.
 Потом те, кто развлекает.
 Потом уже те, кто создает красоту.
 Сюда относятся опера и астрономия.
 — Эта жизнь лучше?
 — Да.
 — Почему?
 — Интереснее.
 — Почему?
 — А что интереснее: жить в доме по своему проекту или в типовой тесной квартире? Иметь свою землю или хором убирать гниющие колхозные поля? Купить автомобиль или стоять несколько лет в очереди за "Жигулями"? Интереснее самому ездить или смотреть, как ездят другие?
 — Но ведь и сейчас летают другие?
 — Другие будут летать всегда. Другие будут жить лучше всегда. Но сейчас можно к ним присоединиться, если есть руки и голова...
 А раньше кровь, война, уничтожение и все, что сказано или сделано до этого.
 Все, кроме ваших рук и мозгов, что тоже могли отобрать в любую минуту... Вот и сравнивай.
 Вот и все просто.

И бандиты. И богатые.
 И ушлые. И пошлые...
 И разваливается. И развалилось.
 И это бросается в глаза, потому что то, что развалилось, уже видно!!!
 Это металлоконструкция бывшей жизни.
 То, что растет, не так видно.
 Дух, интерес, идеи, магазины, авто, женщины и глаза у молодых стали пытливыми.
 Люди голодают деньгами. Деньги — это люди.
 Ничего. Что-нибудь придумают.
 В принципе, народы умнеют.
 Хотя история учит, но не обучает.
 Просто если потребуются кровь и жертвы — это будет путь в порабощение.
 Если жизнь меняется бескровно — это путь к свободе.